

этой иконы в иконостас московского Успенского собора, своеобразного пантеона религиозной мифологии русского средневековья, говорит о типичности ее темы для Руси еще в начале XIV в.

Эти соображения подтверждает обнаружение такого же недавно раскрытого памятника раннего XIV в. в Успенском соборе во Владимире. Как известно, этот собор с его древней епископской кафедрой служил образцом для подражания в Москве, стремившейся к исторически обоснованному политическому преобладанию. Одним из орудий его служила церковная иерархия, управляемая митрополитом, с 1326 г. переселившимся из Владимира в Москву.

Великий Новгород, в соответствии с «Повестью о Николе Зарайском», рассказывающей о пребывании здесь иконы Николы, сохранил ранние памятники на эту тему. Драгоценным образцом является Никола Зарайский с житием на 18 клеймах, уцелевший от XIV в. на Теребужском погосте близ города Мги.³⁰ Правое нижнее угловое клеймо изображает «чудо об утопшем отрочати» в композиции, близкой к соответствующему клейму исследуемой нами иконы из Киевца в Москве.

Наличие древних икон Николы Зарайского вне пределов Рязанской земли позволяет думать, что и «Повесть о Николе Зарайском» была известна не только в Рязанской области. Как явствует из рассмотренных В. А. Комаровичем и Д. С. Лихачевым источников русской легенды о Николе Зарайском, в XV в. она несколько померкла. Возможно, что Зарайскую легенду в это время вытеснил московский культ порожденного ею образа Николы Можайского.³¹ Оживление зарайской легенды наступает в конце XV—начале XVI в., в связи с собирательской политикой Москвы, стремившейся отразить местные культы в московских святых и церквях и этим заставить их служить идее религиозного превосходства Москвы, что в средние века служило опорой для обоснования политического главенства. Интерес к легенде выразился в тщательной переработке «Повести о Николе Зарайском», большая часть редакций которой относится именно к началу XVI в.

Как упоминалось выше, в 1471 г. в Москве известна церковь Николы Зарайского близ Кремля, напротив Кутафы. Характерно, что у этого здания устраивали торжественную встречу царю и войску, одержавшим победу над противником.³² Этот обычай отражал почитание Николы Зарайского как защитника от врагов.

Оживление зарайской легенды в конце XV в. представлено двумя памятниками этой эпохи. Тверская икона этого названия с житием на 18 клеймах хранится в ГРМ (№ 1557), а новгородская, еще не расчищенная, с 14 клеймами жития — в ГТГ (№ 19740). Как известно, искусство Твери и Новгорода в это время было уже тесно связано с Москвой.

³⁰ Ныне в ГРМ (№ 3921). Доска липовая, с накладными двумя поперечными и двумя накрест лежащими шпонками, прибитыми деревянными гвоздями. Сохранилась лишь поперечная верхняя. Павлолако-холщевая, крупнозернистая, левкас, яичная темпера, 132 × 79. В 1929 г. была раскрыта в Центральном государственном реставрационных мастерских. Нынешнее состояние надписей указывает на XIV—XV вв. Вероятно, ими руководствовался В. Н. Лазарев (Искусство Новгорода, стр. 95).

³¹ Никола Можайский упоминается с 1303 г. По сведениям А. И. Некрасова, проинведившего специальное исследование, статуя Николы Можайского (ныне в ГТГ, № 4279) заказана для Можайска митрополитом Петром в 20-х годах XIV в. В это время Никола Зарайский был уже широко известен и мог служить прототипом подобного ему изображения. См. об этом также: А. Вознесенский и Ф. Гусев. Житие и чудеса Николы и слава его в России, СПб., 1899, стр. 277; История русского искусства, т. III, М., 1955, стр. 202—206; о Николе Можайском в XVI—XVII вв. см. стр. 625—626.

³² См. прим. 17. Позднее, в 1597 г., у этой же церкви устроена встреча Борису Годунову после Серпуховского похода на крымских татар.